

Виктор Агапов

ПОКА
У БОГА
НЕТ ИМЕНИ

Виктор Агапов

Пока у бога нет имени

«Автор»

2026

Агапов В.

Пока у бога нет имени / В. Агапов — «Автор», 2026

В мире, где каждому чуду положено иметь имя, мёртвые не должны двигаться. Но однажды маленькая Мира просит вернуть ей отца — и нечто слышит её.

Оно не знает, что такое смерть, чем человек отличается от тела и что значит быть богом. Разобраться в случившемся поручают Толкователю, привыкшему объяснять невозможное. Но впервые ни один из известных богов не подходит.

Пока неизвестное существо учится понимать людей, церковь и власть уже хотят определить его судьбу. Каждый видит в нём то, во что хочет верить.

© Агапов В., 2026

© Автор, 2026

Виктор Агапов

Пока у бога нет имени

Глава 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мёртвый, который двигался

Когда отец умер, Мира сначала решила, что он сердится. Он лежал на кровати поверх одеяла, всё ещё в сапогах, и смотрел в потолок так неподвижно, словно она опять сделала что-то, о чём он узнает раньше, чем она успеет придумать объяснение. В доме пахло нагретым деревом, дымом и стойлом за стеной. Через открытое окно тянуло сухой травой. Где-то во дворе кололи дрова. Удар. Треск. Пауза.

— Пап?

Орен не ответил. Мира осталась в дверях. За стеной корова тёрлась боком о доски. На дороге скрипнуло тележное колесо. Кто-то позвал ребёнка домой. Гуси подняли шум возле колодца. Всё было как всегда. Только отец лежал неправильно.

— Пап.

На этот раз громче. Он не ответил. Орен не любил, когда его звали дважды. «Если я услышал с первого раза, зачем повторять?» Мира всегда считала это несправедливым. Сам он мог произносить её имя сколько угодно. Особенно когда сердился. Тогда первое «Мира» доносилось из дома, второе — со двора, а третье звучало уже совсем рядом и обычно означало, что времени на объяснения почти не осталось. Она вошла.

— Я воду принесла.

Кувшин оттягивал руки. Когда Мира поставила его на стол, вода плеснула через край. Несколько капель упали на доски. Она быстро растёрла их босой ступнёй. Отец не заметил. Вот тогда ей стало страшно. Утром он увидел грязь на её рукаве с другого конца комнаты. На прошлой неделе заметил, что она брала маленький нож, хотя Мира положила его точно туда, откуда взяла. Она до сих пор не понимала, как он узнал. Мира подошла к кровати.

Левая рука отца свешивалась вниз. На костяшках засохла земля, под ногтями чернела грязь. Наверное, он снова возился у северной ограды. Одна из стоек там накренилась ещё неделю назад, и Орен сказал, что починит её до дождей. О дожде он всегда говорил как о человеке, которому нельзя доверять. «Будешь ждать, пока он сам решит прийти, останешься и без сена, и без крыши». Обычно Мира смеялась. Сейчас не получилось. Лицо отца почти не изменилось.

Рот чуть приоткрыт. Щетина темнее, чем утром. На лбу всё ещё две глубокие складки — те самые, которые появлялись, когда он считал деньги, торговался с мельником или слушал объяснения Мира. Но теперь они выглядели странно. Будто лицо забыло, зачем они нужны. Мира коснулась его руки. Холодная. Она отдернула пальцы. Подождала. Коснулась снова. Почему-то ей казалось, что второй раз будет иначе. Не было. Отец никогда не бывал таким холодным. Даже зимой, когда возвращался с улицы с инеем в бороде, ладони у него оставались горячими и шершавыми.

— Папа?

Мира взяла его за плечо и потрясла. Голова Орена чуть повернулась. Остановилась. Мира замерла. Ей стало стыдно. Она не понимала почему. Будто сделала что-то неправильное с человеком, который больше не мог сказать ей перестать. Мира выбежала из дома. До избы Селы было меньше сотни шагов. Она пробежала их босиком, не замечая ни камней, ни колючей травы возле дороги. Курицы шарахнулись в стороны. Кто-то окликнул её. Она не остано-

лась. Потом Села что-то спрашивала. Мира не запомнила. Запомнила только её лицо, когда они вернулись.

Села была большой женщиной с красными руками и всегда пахла тестом. Обычно Орен говорил, что она приносит с собой половину муки из собственной кухни, а Села отвечала, что хоть кто-то должен приносить в его дом приличный запах. Сегодня она ничего не сказала. Подошла к кровати. Приложила пальцы к шее Орена. Потом ладонь к груди. Держала долго. Слишком долго. Мира смотрела на её руку и ждала, когда Села почувствует то, чего не почувствовала она.

— Мирочка...

Мира ненавидела, когда её так называли. Так говорили взрослые, когда собирались сообщить что-то, с чем нельзя спорить.

— Он устал? — спросила Мира.

Села посмотрела на неё.

— Нет.

— Заболел?

Села присела на край кровати, но тут же поднялась.

— Сердце, наверное.

— Что сердце?

Женщина отвела взгляд. Мира посмотрела на отца. Вчера он один поднял мешок муки, хотя мельников сын предлагал помочь. Сегодня утром ругал её за открытую дверь хлева. Днём велел не лазить на старую грушу у сарая. «Ветка сгнила. Один раз шею сломаешь — второй тебе никто не выдаст». Мира всё равно полезла. Почти добралась до верхней развилки, откуда было видно реку за полями. Ветка действительно затрещала. Она успела перебраться на другую. Мира собиралась признаться вечером. Потому что так было честнее. Орен уважал честность.

Даже когда за неё наказывал.

— Что с ним?

Села закрыла глаза.

— Умер он, деточка.

Мира посмотрела на неё. Слово она знала. Конечно знала. Прошлой зимой умер старый Нейл. Весной зарезали хромую козу. Иногда возле дороги лежали птицы — маленькие, лёгкие, с лапками, сжатыми так, словно они всё ещё держались за невидимую ветку. Осенью в храме читали имена умерших и зажигали для них свечи. Но слово почему-то не подходило к отцу. Слишком маленькое. Один короткий звук — и туда надо было поместить человека, который чинил крышу, плохо пел одну и ту же песню и всегда делал вид, что не замечает, как Мира таскает засахаренные яблоки из верхнего шкафа.

— Когда проснётся?

Села заплакала. Тихо. От этого стало хуже. Мира начала понимать. Не всё. Но достаточно.

К вечеру в доме стало слишком много людей. Так в деревне бывало всегда. Стоило кому-нибудь умереть, и его дом на несколько часов переставал принадлежать ему. Женщины принесли свечи и чистую ткань. Кто-то поставил к стене ещё два табурета. Кто-то накрыл стол. Староста пришёл поговорить о погребении. Двое мужчин сняли с Орена сапоги и стали отмывать его руки. Мира смотрела, как исчезает земля с его пальцев. Хотела попросить не трогать. Отец сам бы отмыл. Но ничего не сказала. Пришёл жрец.

Он был старый, с редкой белой бородой. От одежды пахло свечным жиром и сухими травами. На груди висел деревянный знак Уводящей — женщина без лица с протянутой ладонью. Жрец встал у кровати и прочитал молитву. Уводящая, говорили в деревне, находила дорогу тем, кто больше не мог идти сам. Раньше Мира представляла длинную дорогу во тьме и женщину с фонарём. Сегодня у неё ничего не получилось представить. Она сидела возле печи,

обхватив колени руками. Люди подходили и гладили её по голове. Мира терпела. На стол поставили тушёную репу, хлеб и кусок солёной свинины.

Есть не хотелось. Потом она вспомнила, что отец не любил, когда она пропускает ужин. «Печаль брюхо не наполнит». Мира взяла хлеб. Жевала долго. Вкуса не было. Взрослые разговаривали тихо. О сердце. Об урожае. О том, кто поможет убрать поле. О доме. О том, что двоюродный брат матери Орена живёт где-то за рекой и, наверное, согласится взять девочку. На этом Мира начала слушать внимательнее. Ей хотелось сказать, что у неё уже есть дом. Вот этот.

Здесь висит отцовская куртка. На балке возле печи осталась зарубка, которую он сделал прошлой зимой, когда измерял её рост. Под полом жила мышь, которую Орен собирался поймать уже три месяца. Это был её дом. Отец тоже был здесь. Он лежал за тонкой стеной. Но именно поэтому взрослые и говорили так, будто его уже нет. Мира перестала жевать. Села заметила и забрала у неё хлеб. Поздно вечером она отвела Миру к себе. Дом Селы пах сушёными яблоками, шерстью и закваской. За перегородкой храпел её муж. Во дворе время от времени звякала собачья цепь.

Мира лежала на узкой кровати и смотрела в потолок. Закрывала глаза. Открывала. Снова закрывала. Каждый раз видела отцовскую руку. Холодную. Она попыталась вспомнить последнее, что сказала ему до смерти. Не смогла. Может быть, «ладно». Может быть, ничего. Это испугало её почти так же, как холодная рука. Вдруг последним её словом отцу было что-нибудь глупое? Мира долго лежала неподвижно. Потом села. Она больше не могла оставаться здесь. Села не проснулась, когда Мира одевалась. Не проснулась, когда скрипнула дверь. Ночь была тёплой. Над деревней висела бледная луна. Крыши посеребрились. Где-то далеко лаяла собака.

Мира пошла домой.

Отец лежал там же. Кто-то сложил ему руки на груди. Мире это не понравилось. Орен никогда так не спал. Он спал на боку, одну руку подкладывал под голову, другую свешивал с края кровати. Иногда храпел. Иногда ночью вставал проверить печь и обязательно наступал на скрипучую половицу возле стола. Мира подошла к нему. Переложила левую руку ближе к краю кровати. Так было лучше. Она села на пол. Некоторое время просто смотрела на отца.

— Я залезла на грушу.

Он молчал.

— Сегодня.

Мира подождала.

— Ты говорил не лазить.

Тишина.

— Ветка не сломалась.

Она вытерла нос рукавом.

— Но треснула.

Отец не ответил.

— Я всё равно полезла.

Обычно после такого начиналась самая страшная часть. Орен молчал несколько мгновений и решал, что с ней делать. Иногда запрещал сладкое. Иногда давал дополнительную работу. Однажды Мира сломала калитку, и отец заставил её чинить самой. Три часа просидел рядом на перевернутом ведре и не помог ни разу, пока она не догадалась, как поставить петлю. Мира тогда страшно на него злилась. Теперь ей хотелось, чтобы он снова сидел на ведре.

— Я больше не буду.

Она подождала.

— Пап?

Ничего. Мира подтянула колени к груди. Попыталась представить завтрашнее утро. Не получилось. Попыталась представить следующую неделю. Тоже. Потом попробовала представить дом без отца. Дом исчез. Остались стены. Печь. Стол. Кружка. Два крючка у двери. Но

дома больше не было. Мира не знала, почему. Свеча возле кровати стала короче. В расплавленном жире плавал чёрный кусочек фитиля. Тень медленно двигалась по отцовскому лицу. За стеной переступила корова. Дом тихо скрипнул. И вдруг Мира поняла, что в комнате есть кто-то ещё.

Она обернулась. Никого. Дверь закрыта. Окно темно. На полке стоят миски. На стене висит куртка. Мира посмотрела под стол. Потом на кладовую.

— Кто здесь?

Никто не ответил. Она встала. Сердце застучало быстрее.

— Тётя Села?

Тишина. Мира прислушалась. Слышала собственное дыхание. Свечу. Редкий скрип досок. Больше ничего. Она уже хотела уйти, когда ощущение стало сильнее. Не ближе. Именно сильнее. Словно сначала на неё смотрел один человек. Теперь смотрела вся комната. Мира замерла. Нет. Не комната. Стены. Пол. Воздух. Темнота между вещами. Всё сразу. Она не могла понять, откуда шло это внимание. Оно не было за дверью. Не стояло у окна. Не пряталось в углу. Оно вообще не находилось нигде. От этого стало страшнее. Мира попятилась. Ноги упёрлись в кровать.

Рука отца качнулась от толчка. Мира вскрикнула. Рука остановилась. И тогда что-то произошло. Не голос. Позже взрослые много раз будут спрашивать её об этом. Слышала ли она слова? Нет. Прозвучали ли они внутри головы? Нет. Поняла ли она просто смысл? Тоже не совсем. Мира не умела объяснить лучше. Вопрос возник сразу повсюду. В стенах. В свече. В теле отца. В ней самой. Будто мир на мгновение чего-то не знал.

Что с ним?

Мира перестала дышать. Посмотрела на отца.

— Он...

Горло сжалось.

— Он умер.

Внимание осталось. Оно ждало.

Что это?

Мира нахмурилась.

— Что?

Умер.

— Когда человек умирает.

Тишина. Мира вытерла глаза.

— Ну умер и всё.

Ничего не изменилось. Внимание не сердилось. Не торопило. Просто ждало. Как ребёнок, услышавший новое слово. Только ребёнка нигде не было.

Что значит?

Мира посмотрела на отца. Она знала, что полагалось отвечать. Уводящая принимает душу. Мёртвый уходит за Последний Порог. Имя остаётся среди живых. Тело возвращают земле. Она слышала это много раз. Даже знала часть молитвы. Но сейчас слова казались чужими. Отец лежал перед ней. Вот его руки. Лицо. Шрам под подбородком. Седой волос возле правого виска. Сбитый ноготь большого пальца. Ожог на запястье. Всё было здесь. А отца не было. Мира не знала, куда делось то, что делало его отцом. Глаза снова защипало.

— Он больше ничего не делает.

Внимание изменилось. Совсем чуть-чуть.

Не делает?

— Не говорит.

Мира всхлипнула.

— Не встаёт. Не дышит.

Она посмотрела на его руку. Вспомнила, как отец постукивал пальцами по столу, когда думал. Как ходил по комнате. Как кашлял утром перед первым глотком воды.

— Не двигается, — сказала она.

Тишина. Долгая. Мира уже почти решила, что всё закончилось. Потом почувствовала: ответ подошёл. Она не знала, откуда знает это. Просто знала. Внимание стало слабее.

— Ты кто?

Ответа не было.

— Ты Уводящая?

Жрец говорил, что иногда богиня сама приходит за умершими. Особенно за теми, кто умер один. Мира всегда находила это странным. После смерти старого Нейла в его доме сидело столько людей, что двоим пришлось стоять на улице.

— Ты забрала папу?

Ничего. Мира сжала руки.

— Верни.

Внимание не изменилось.

— Верни его.

И исчезло. Сразу. Комната снова стала маленькой. Стол. Кровать. Стены. Отец. За стеной корова. Где-то снаружи ветер прошёлся по сухой траве. Мира несколько мгновений стояла неподвижно. Потом ей стало стыдно. Конечно, никого здесь не было. Она устала. Наверное, почти спала. Наверное, всё придумала. Мира забралась на кровать рядом с отцом. Села бы рассердилась. Жрец тоже. Мёртвых полагалось оставить в покое. Но Орен говорил, что правила существуют для людей, а не люди для правил. Правда, обычно только о тех правилах, которые сам считал глупыми.

Мира прижалась к его плечу. Холод чувствовался через рубаху.

— Я больше не полезу на грушу, — прошептала она.

Подумала.

— Пока ты не починишь ветку.

Она закрыла глаза.

Её разбудил звук. Шорк. Пауза. Шорк. Мира открыла глаза. Сначала не поняла, где находится. Потом почувствовала холод под щекой. За окном едва начинало светать. Комната стала серой. Свеча давно погасла. Шорк. Пауза. Шорк. Мира подняла голову. Звук повторился. Будто ткань медленно тёрлась о дерево. Отец лежал рядом. Шорк. Мира села. Посмотрела вниз. Правая рука Орена двигалась по одеялу. Медленно. Пальцы сгибались. Разгибались. Снова сгибались. Так он делал вечерами, когда долго работал ножом и кисть сводило от усталости.

Мира не двигалась.

— Папа?

Пальцы снова сжались. Разжались. Она вскочила.

— Папа!

Рука поднялась. Опустилась. Снова поднялась. Мира улыбнулась. Улыбка появилась раньше мысли.

— Папа!

Она схватила его за плечо.

— Проснись!

Голова Орена повернулась. Очень медленно. Сначала напряглась шея. Под кожей проступили сухожилия. Потом подбородок двинулся к Мира. Глаза оставались закрытыми. Из горла донёсся тихий влажный звук. Мира ждала вдоха. Его не было.

— Папа?

Голова остановилась. Он был обращён к ней. Но не смотрел. Мира прикоснулась к его щеке. Холодная. Она прижала ладонь к груди. Ничего. Ни удара. Ни дыхания. Рука поднялась снова. Опустилась. Поднялась. Мира отступила.

— Папа?

Пальцы сжались. Разжались. Голова стала возвращаться к потолку. Медленно. Точно так же, как вчера, когда Мира потрясла его за плечо. Она смотрела. Сначала на голову. Потом на руку. Потом снова на лицо. И поняла. Оно не вернуло отца. Оно сделало то, что она сказала. Мёртвый не двигался. Теперь двигался. Мира закричала.

К полудню возле дома стояла половина деревни. К вечеру пришли почти все. Орен двигался до рассвета. Немного. Одни и те же движения. Пальцы сжимались. Голова поворачивалась. Рука иногда поднималась над одеялом. Один раз тело попыталось сесть. Поднялось совсем немного, замерло и тяжело упало обратно. После этого никто больше не говорил, что Орен ожил. Староста велел не входить в дом. Двое мужчин стояли у двери с топорами. Мира не понимала, зачем им топоры. Кажется, они тоже. Жрец Уводящей пришёл ещё до завтрака. Он трижды прочитал молитву.

Первый раз обычным голосом. Второй — быстрее. На третьем чтении начал путать слова. Потом окропил тело солёной водой, начертил над дверью знак Уводящей и приказал всем выйти. Пальцы Орена продолжали двигаться. К полудню они остановились. Он снова лежал тихо. Теперь к дому никто не хотел подходить. Мира сидела на ступеньках у Селы, завернувшись в шерстяную шаль, хотя день был жарким. Взрослые говорили вокруг неё. Проклятие. Неправильный обряд. Знак Уводящей. Колдовство. Кто-то вспомнил, что несколько недель назад над западным холмом будто бы видели две луны.

Кто-то сказал, что Орен спорил со жрецом о храмовой десятине. К обеду нашёлся человек, который утверждал, что всегда знал: с Ореном однажды случится что-нибудь подобное. Мира его раньше никогда не видела. Потом кто-то предложил сжечь тело до захода солнца. Мира подняла с земли камень. Бросила. Попала мужчине в скулу. Села утащила её в дом.

— Нельзя камнями в людей.

— Он хотел сжечь папу.

Села открыла рот. Закрыла.

— Всё равно нельзя.

Но сказала это уже тише. На следующий день приехал помощник храмового писца из соседнего городка. Он был молод и всё время хмурился, словно боялся, что его примут за мальчишку. Осмотрел тело. Долго разговаривал со старостой. Потом с жрецом. Потом с Селой. Миру посадил за стол и положил перед собой чистый лист.

— Расскажи ещё раз, что произошло ночью.

Она рассказала. Он записывал. Когда Мира закончила, помощник поднял голову.

— Ты уверена, что никто с тобой не говорил?

— Да.

— Но ты слышала вопросы.

— Нет.

Он нахмурился.

— Ты только что сказала, что были слова.

— Были.

— Значит, ты их слышала.

— Нет.

Писец некоторое время смотрел на неё.

— Как можно знать слова, если их не слышишь?

Мира пожала плечами.

— Я же знаю, что ты сердишься.

— Я не сержусь.

— Вот.

Он посмотрел на лист. Что-то записал. На третий день приехал его начальник. Старый, худой, с пятнами чернил на пальцах. Он расспрашивал Миру почти два часа. Несколько раз задавал один и тот же вопрос разными словами. Мира поняла, что он пытается поймать её на лжи. Ей это не понравилось. Она не врала. На четвёртый день прибыл человек из окружного храма. После него Орена запретили хоронить. Тогда взрослые впервые начали кричать друг на друга. Стояла жара. Села жгла в доме травы и ставила миски с уксусом, но запах отцовского тела уже пробирался наружу.

Мира старалась не думать о том, что это запах отца. На пятый день по дороге с востока появился ещё один всадник. Мира увидела его из окна. Он ехал один. Не быстро. На нём был серый дорожный плащ, весь в пыли. За седлом висел длинный кожаный футляр. На шее блестела небольшая металлическая пластина с вырезанным знаком, которого Мира раньше не видела. Староста пошёл ему навстречу. Всадник спешился возле колодца. Передал поводья мальчишке. Оглядел деревню. Мира тоже посмотрела вокруг, будто пыталась увидеть её его глазами.

Ничего особенного. Дома. Ограды. Колодец. Маленький храм. Дорога. Поля за последними крышами. Таких деревень, говорили взрослые, в королевстве были сотни. Мира никогда не задумывалась об этом. Для неё была только одна. Староста что-то сказал приезжему. Тот ответил. Они направились к дому Орена. Когда мужчины подошли ближе, Мира услышала:

— Вы Толкователь?

Всадник кивнул.

— Где тело?

Староста указал. Толкователь снял с седла кожаный футляр. Мира смотрела, как он идёт к их дому. Он был первым человеком за пять дней, который не перекрестился, не прошептал молитву и не остановился у калитки. Просто вошёл. Мира не знала, что именно делает Толкователь. Но само слово ей понравилось. Толкователь. Человек, который объясняет, что что-то значит. Она прижалась лбом к стеклу. Если он сумеет правильно назвать то, что случилось с отцом, подумала Мира, может быть, оно наконец закончится.